

Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки

1. Введение

В последнее время интерес многих лингвистов привлекают понятия «финитность» и «нефинитность». В ранней лингвистической традиции финитность определяется как свойство формы глагола. Глагольная форма считается финитной, если она может присоединять показатели лица, числа, времени, вида и наклонения. Расширение выборки исследуемых языков в XX веке показало, что данный критерий дает противоречивые результаты во многих генетически неродственных языках – в силу неуниверсальности перечисленных глагольных категорий, способности других частей речи выражать данные категории и т.д. (см. подробнее [Калинина 2001; Nikolaeva 2007a]). Другой критерий, который привлекался для определения финитности, — синтаксический, а именно способность глагольной формы занимать позицию вершины независимого предложения. Однако данный критерий также не всегда дает желаемые результаты. Во многих генетически неродственных языках (например, в алтайских, сино-тибетских) существуют глагольные формы, способные возглавлять как независимое предложение, так и зависимую предикацию, присоединяя показатели падежа или артикли. Попытка объединить морфологический и синтаксический критерии также не всегда приводит к желаемым результатам. В частности, было обнаружено (см. [Kalinina, Sumbatova 2007; Nikolaeva 2007b] и др.), что в ряде языков глагольные формы, находящиеся в позиции вершины зависимой предикации полипредикативной конструкции, могут демонстрировать больше морфологических признаков финитности (т. е. способны выражать больше глагольных категорий), чем формы, которые функционируют в качестве вершины независимого предложения.

Эти и другие противоречия привели к пересмотру понятий «финитность» и «нефинитность» в последние десятилетия. Ряд типологов рассматривают данные понятия не как бинарную оппозицию, а в виде шкалы (см. [Givón 1990]). Некоторые исследователи склоняются к тому, что данные понятия не являются универсальными (см., например, [Bisang 2007]; см. подробнее [Nikolaeva 2007a, Kortjevskaja-Tamm forthc.]). В работе [Калинина 2001] финитность

интерпретируется, как свойство не конкретных глагольных словоформ, а всей клаузы (ср. также с понятием «сказуемость» в [Пешковский 2001: 185]). Неуниверсальность понятия финитности подтверждается тем, что во многих языках так называемые глагольные категории, перечисленные выше, не выражаются морфологическими показателями в глаголе, а функционируют как клитики, т. е. присоединяются либо к словоформе, занимающей определенную линейную позицию, либо образуют кластеры клитик, функционирующие как самостоятельное фонетическое слово. В таком случае приписать свойство финитности можно лишь клаузе, содержащей данный набор клитик.

Одной из категорий, которая наиболее часто рассматривается в контексте определения финитности, – это модальность (ср., напр. [Русская грамматика 1980: 86]). Данная категория фигурирует в качестве ключевого понятия в самых ранних работах по финитности. Исследования, проведенные в последние годы, показывают, что в ряде языков использование форм, традиционно причисляемых к нефинитным, в качестве вершины независимого предложения приводит к появлению особых модальных оттенков значения (см. [Калинина 2003, Nikolaeva 2007a, Kortjevskaja-Tamm forthc.]). Например, в ряде языков инфинитив может выступать в качестве вершины независимого предложения:

(1) Мне выходить. Тебе сдавать.

В таком случае у рассматриваемых форм возникают особые значения, которые отсутствуют при их употреблении в зависимой предикации. Например, значение необходимости, которое появляется у инфинитива в (1), отсутствует у данной формы в предложении *Я хочу / могу выходить / сдавать*. И, наоборот, оттенки значения, возникающие у некоторой формы в позиции вершины зависимой предикации, могут отсутствовать при ее употреблении в независимом предложении. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько велико должно быть расхождение в семантике глагольной формы в зависимой и независимой предикации, чтобы постулировать две омонимичные глагольные формы. Ответ на данный вопрос требует детального анализа семантики глагольных форм в различных употреблениях. Настоящая работа представляет собой опыт такого анализа.

В адыгейском языке зафиксировано несколько глагольных форм, содержащих показатель -п: это так называемое «второе будущее», образующееся с помощью показателя -п, предположительное наклонение с показателем -п (выделяется в [Кумахов 1971]), масдар с показателем -п, инфинитив на -п (выделяется только в работах [Кумахов 1971; 1989]), отглагольное имя на -п, супин на -пew (также выделяется не всеми исследователями) и ряд косвенных наклонений, содержащих показатель -п (см. об этом п. 2.3). Традиционно данные формы описываются, как омонимичные ([Рогава, Керашева 1966: 171; Зекох 2002: 145–146] и т. д.; см. также 6.2 и 9.3.1.1 введения), в то время как в диахронических исследованиях они возводятся к общеадыгскому показателю инфинитива ([Кумахов 1989]). В настоящей работе будут

рассмотрены аргументы за и против единой трактовки данных форм на синхронном уровне. Прежде всего, будет анализироваться «второе будущее», с одной стороны, и масдар, инфинитив, отглагольное имя и супин с другой. Практически не будут затрагиваться косвенные наклонения с показателем -п-, за исключением предположительного наклонения на -п.

Статья организована следующим образом: в п. 2 будет рассмотрена семантика второго будущего, в п. 3 – семантика масдара, инфинитива, отглагольного имени и супина, а также будут обсуждаться все аргументы за и против единой трактовки форм с показателем -п; п. 4 представляет собой заключение.

2. Семантика «второго будущего»

2.1. «Второе будущее» в адыгейской системе времен

Грамматические описания адыгейского языка выделяют в изъявительном наклонении следующие времена: настоящее с нулевым суффиксом, прошедшее (совершенное) с суффиксом -кә, прошедшее (несовершенное) с суффиксом -š'tәкә, давнопрошедшее (совершенное) с суффиксом -вакә, давнопрошедшее (несовершенное) с суффиксом -š'tәвакә, аорист («чистая основа»), а также будущее первое и будущее второе [Рогава, Керашева 1966: 171]. Исследователи используют для будущих времен следующие термины: «первое будущее» с показателем -š't и «второе будущее» с показателем -п ([Рогава, Керашева 1966, Зекох 2002]; и наоборот, «второе будущее» с показателем -š't и «первое будущее» с показателем -п в [Кумахов 1971]; «будущее утвердительное» на -š't и «будущее предположительное» на -п в [Гишев 1989]).

Оба будущих времени могут оформлять вершину независимого предложения, ср.:

(2) а. Пчыхъашъхъэ оцх къещхыщт.

рčәһа.šhe weš'x q-ješ'xә-š't

вечер дождь DIR-идти(о.дожде)-FUT

‘Сегодня вечером пойдет дождь’.

б. Пчыхъашъхъэ оцх къещхын.

рčәһа.šhe weš'x q-ješ'xә-п

вечер дождь DIR-идти(о.дожде)-POT

‘Сегодня [вечером], возможно, пойдет дождь’ [Рогава, Керашева 1966: 199].

Несмотря на то что формы первого будущего и второго будущего лежат в основе ряда производных временных форм, в грамматических описаниях их семантике уделяется сравнительно небольшое внимание. Г.В. Рогава и З.И. Керашева пишут, что «будущее I и будущее II близки по своему значению. Будущее II имеет оттенок долженствования» (б) или обозначает «предполагаемый, возможный характер действия... Если говорящий уверен в том, что то или иное

действие обязательно произойдет, то он употребляет форму будущего I...» [Рогава, Керашева 1966: 198–199]. Данное утверждение авторы иллюстрируют примерами (2а) и (2б): в (2а) говорящий абсолютно уверен в том, что пойдет дождь, в то время как в (2б) он в этом сомневается.

М.А. Кумахов [1971: 214] описывает будущее с показателем -n, как «будущее долженствования и намерения»; при этом, примеры, аналогичные (2б), характеризуются термином «предположительное наклонение» [Кумахов 1971: 233]. К. Парис и Н. Батука [Paris, Batouka 2005] используют термин «будущее намерения и предположения», Н.Т. Гишев [1989] – «будущее предположительное», в противоположность «будущему утвердительному» на -š't.

Интересно, что описания различных исследователей не вполне соответствуют друг другу. Характеризуя второе будущее с показателем -n, все исследователи говорят о появлении какого-либо модального оттенка значения, однако не вполне понятно, что это за оттенок: долженствование [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1989], предположение [Рогава, Керашева 1966; Гишев 1989; Paris, Batouka 2005] или намерение [Кумахов 1989; Paris, Batouka 2005]. Если допустить, что второе будущее выражает все перечисленные значения, совмещение таких функций кажется не вполне обычным и вызывает ряд вопросов. Кроме того, примеры, которые приводятся для иллюстрации семантических особенностей второго будущего, не всегда однозначны. Например, значение долженствования в [Рогава, Керашева 1966] иллюстрируется несколькими примерами следующего вида:

(3) Бэрэ удаломэ, макләу плон.

bere	wə-da [?] _w e-me	maç [?] -ew	p- [?] _w e-n
много	2SG.ABS-слушать-COND	мало-ADV	2SG.A-говорить-POT

‘Если будешь много слушать, мало будешь говорить’ (Ibid.: 198).

В данном случае довольно сложно говорить о значении долженствования. Форма второго будущего в (3) выступает в аподозисе условного предложения. Такой контекст значительным образом усложняет интерпретацию, так как в ряде языков он требует особого оформления, например специальных модальных форм (не всегда обозначающих именно долженствование); см. [Palmer 1979].

Сомнения вызывает также разброс значений второго будущего, например, долженствование и предположение (т. е. эпистемическая возможность). Согласно [van der Auwera, Plungian 1998] типологически не засвидетельствовано случаев, когда данные значения выражаются одной и той же глагольной формой, минуя, например, значение внешней возможности (см. п. 2.3).

Важно отметить, что многие авторы пишут про взаимозаменяемость форм первого будущего и второго будущего в некоторых особых контекстах (например, в контексте причастий,

отсылающих к действию в будущем; см. [Тхаркахо 1976]). Это подтверждается и данными настоящего исследования – и, шире, вне таких особых контекстов, в большинстве примеров, предложенных вне контекста и конситуации, носители разрешают использование обеих форм.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что все исследователи адыгейского языка отмечают за вторым будущим, в отличие от первого будущего, некоторый модальный оттенок значения. При этом, однако, не ясно, о каком именно оттенке значения идет речь. Интересно, что исследователи описывают два будущих времени в терминах эквиолентной оппозиции (т. е. оба значения признака логически равноправны, ни одно из них не является отрицанием другого): для всех случаев, когда действие происходит в будущем, возможна либо первая, либо вторая форма, в зависимости от семантики.

Как представляется, распределение обсуждаемых форм регулируется иными факторами, чем собственно семантика модальности. Ниже на материале говора с. Хакуринохабль будет показано, что перечисленные выше оттенки значения обусловлены особым статусом второго будущего в системе времен адыгейского языка. Кроме приведенных выше значений, второе будущее может развивать целый ряд значений, в меньшей степени связанных собственно с модальностью. Далее будет показано, что противопоставление первого будущего и второго будущего является не эквиолентным, а привативным: первое будущее является немаркированным, а второе интерпретируется носителями как маркированное.

Для того чтобы точнее определить семантику второго будущего времени в адыгейском языке, мы анализировали функциональные свойства данной формы в контексте типологии показателей будущего времени и типологии модальности. В п. 2.2 будут рассмотрены семантические свойства второго будущего как временного показателя, в п. 2.3 – как модального показателя.

2.2. «Второе будущее» в типологии временных форм

Обобщая параметры, которые обсуждаются в типологических работах [Comrie 1985] и [Dahl 1985], можно выделить следующие три основных значения будущего времени:

- намерение субъекта: описывается действие в будущем, которое субъект решил осуществить в настоящий момент или незначительно ранее:

(4) {Зачем ты взял стул? –} Я буду разбирать вещи на шкафу.

- запланированное будущее: описывается действие в будущем, которое субъект решил осуществить намного ранее, чаще всего, речь идет также в предварительной договоренности с каким-либо третьим лицом:

(5) {Мы заказали машину.} Завтра в 12 часов дня поедем на вокзал.

- предсказание, основанное на логическом умозаключении:

(6) {На небе много туч.} Сейчас пойдет дождь.

Как кодируются данные значения в адыгейском языке? Все перечисленные значения носители адыгейского языка могут переводить как первым, так и вторым будущим:

- намерение:

(7) Сэ торт сшы-**щт/н**.

se twert s-šə-š't/-n

я торт 1SG.A-делать-FUT/POT

‘Я испеку торт’ (решила испечь).

- запланированное будущее:

(8) Аминэт щагур кыпхъэнкы**щт/н**, сэ сыпщэрыхъа**щт/н**.

amjənet š'ag_wə-r q-ə-rxənč'ə-š't/n se sə-ps'erəha-š't/n.

Аминет двор-ABS DIR-3SG.A-мести-FUT/POT я 1SG.ABS-готовить.еду-FUT/POT

‘Аминет подметет двор, я приготовлю еду’ (заранее договорились).

Отметим, однако, что данное значение чаще всего кодируется не будущим, а настоящим временем, особенно в контексте официальной договоренности (такое употребление настоящего времени широко распространено в языках мира; см. [Dahl 1985]):

(9) Неуц парикмахерым дэжь сэкло.

njewəš' parjəkməxerə-m dež' s-e-k_we

завтра парикмахер-ERG к 1SG.ABS-DYN-идти

‘Я завтра иду к парикмахеру’ (записалась по телефону).

- предсказание, основанное на логическом умозаключении:

(10) Джыри тлу кызыпхыкIэ, укьинэжьы**щт/н**.

ž'ətjə t_wə qə-zə-p-hə-č'e wə-q-jə-ne-ž'ə-š't/n

опять два DIR-REL.TEMP-2SG.A-отнести-INS 2SG.ABS-DIR-3SG.A-оставить-RE-FUT/POT

‘Если ты опять получишь двойку, останешься на второй год’.

Ни в одном из перечисленных значений не отмечается предпочтения второго будущего первому (см. также [Никонова 2003]). Вместе с тем, ни в одном контексте второе будущее не запрещается.

Важно отметить, что носители при переводе данных и аналогичных примеров чаще всего по умолчанию используют форму первого будущего, однако в большинстве случаев дают положительный ответ на вопрос о грамматичности соответствующего примера с формой второго

будущего. Таким образом, ни в одном из перечисленных контекстов не обнаруживается семантического различия между обсуждаемыми формами. При этом, однако, форма второго будущего является более маркированной, так как во всех случаях носители используют при переводе форму первого будущего, а второе будущее разрешают, только если специально уточнить, возможна ли данная форма в обсуждаемом контексте.

Можно было бы предположить, что различие между первым и вторым будущим обусловлено таким фактором, как временная дистанция [Comrie 1985: 46; Dahl 1985: 120–122], т. е. удаленность события от момента речи. Чаще всего временная дистанция оказывается релевантной для прошедших времен (в ряде языков различным образом кодируются прошедшее и давнопрошедшее времена). Однако в ряде случаев временная дистанция грамматикализуется и в сфере будущего. Э. Даль [1985: 122] приводит пример из языка камба (банту), где морфологически различаются ближайшее и удаленное будущее.

Однако данное предположение оказывается неверным относительно адыгейского материала. Рассмотрим следующие примеры:

(11) Ильэситүклэ/джыдэдэм/непэ Азэма́т еджап́лэм кло́нэп.

jələs-jə-t_wə-č'e / ž'ədədem /njepe azemat jež'ape-m k_we-n-ep
 год-LNK-два-INS сейчас сегодня Азамат школа-ERG идти-POТ-NEG
 'Азамат, наверное, не пойдет в школу через два года / сейчас / сегодня'.

Все опрошенные носители говора с. Хакуринохабль признали данный пример со вторым будущим абсолютно естественным, независимо от выбранного временного наречия. То же касается первого будущего:

(12) Ильэситүклэ / джыдэдэм / непэ Азэма́т еджап́лэм кло́щтэп.

jələs-jə-t_wə-č'e / ž'ədədem /njepe azemat jež'ape-m k_we-š't-ep
 год-LNK-два-INS сейчас сегодня Азамат школа-ERG идти-FUT-NEG
 'Азамат не пойдет в школу через два года / сейчас / сегодня'.

Следовательно, различие в употреблении первого и второго будущего не лежит в области временных значений. Для ответа на вопрос, в чем заключается это различие, рассмотрим употребление обсуждаемых форм в контексте различных модальных значений.

2.3. Адыгейское «второе будущее» в системе показателей модальности

Как отмечено в п. 2.1, большинство исследователей адыгейского языка отмечают у второго будущего какой-либо модальный оттенок: долженствование, вероятность (предположение) и т. п. Действительно, предложения с формой второго будущего, взятые вне контекста, носители довольно часто переводят, используя различные модальные показатели: «вероятно», «наверное», «может быть» и т. д.; ср.:

(13) Ащ узыкIокIэ бгъэгумэкIын.

a-š' wə-zə-k_we-č'e

b-ke-g_wəmeč'e-n

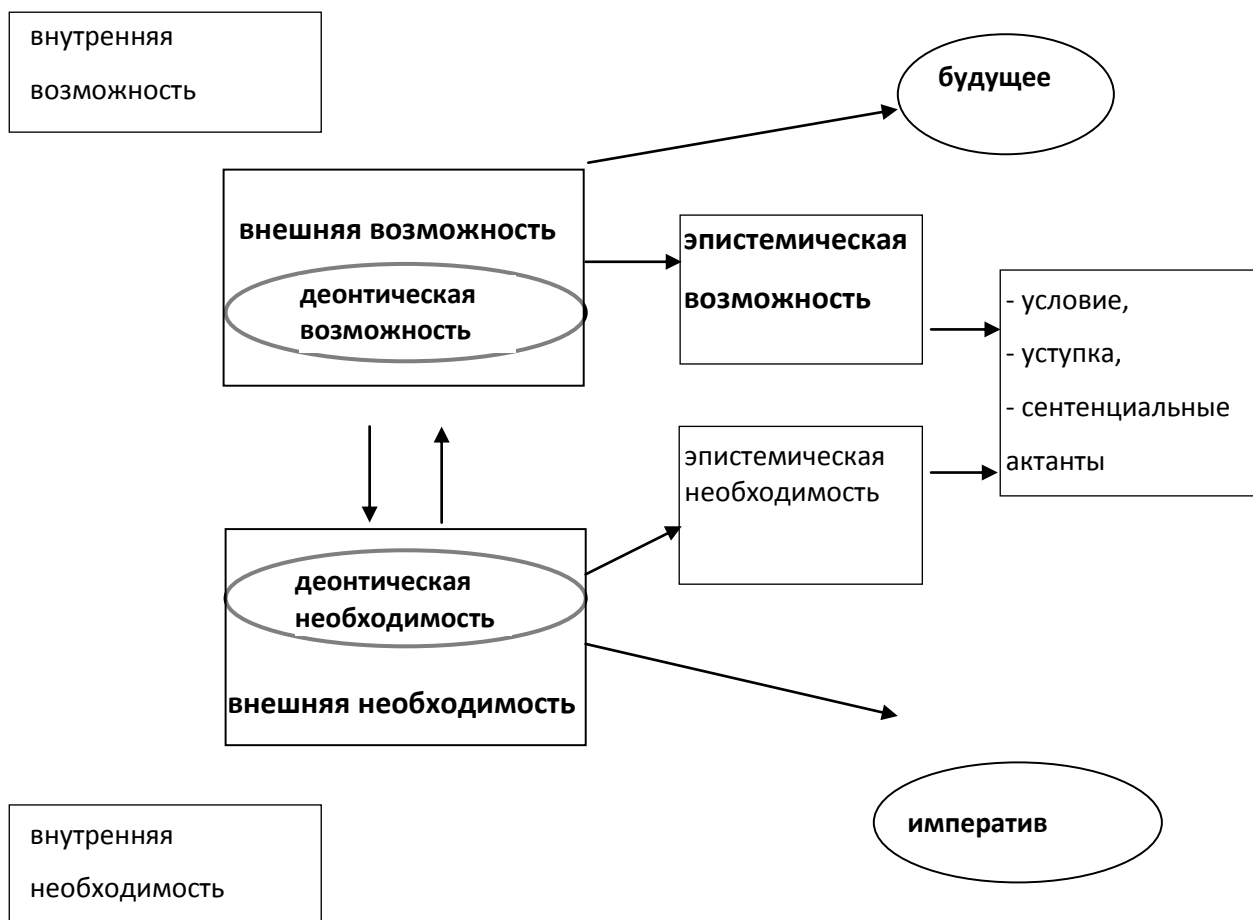
TOT-ERG 2SG.ABS-REL.TEMP-идти-INS

2SG.A-CAUS-переживать-POТ

'Если/когда ты придешь к нему, он скорее всего будет переживать'.

Типы и значения модальных показателей достаточно подробно изучены типологически. В частности, в работе [van der Auwera, Plungian 1998] предлагается семантическая карта модальных значений возможности и необходимости, основанная на типологических данных. В карте проводится детальное различие модальных оттенков значения и намечаются пути диахронического развития модальных показателей. Среди модальных значений необходимости (долженствования) и возможности различается внутренняя, внешняя и эпистемическая модальность. Внутренняя модальность связана с личным убеждением или физическими возможностями субъекта (*Ему нужно спать восемь часов, чтобы выспаться. Он смог поднять 60 кг*), внешняя модальность возникает под действием внешних факторов, неконтролируемых субъектом (*Чтобы доехать до магазина, нужно / можно сесть на двенадцатый автобус*), в то время как эпистемическая модальность является вероятностной оценкой (*Сегодня должно / может быть холодно*). Во внешней модальности, кроме того, особо выделяется деонтическая модальность – когда необходимость / возможность диктуется одним из участников ситуации, чаще всего говорящим (*Вы должны / можете выучить к завтрашнему дню оба стихотворения*).

Рис. 1. Семантическая карта модальности [van der Auwera, Plungian 1998: 96, 100, 111]¹.

Рассмотрим, какие из перечисленных значений кодируются в адыгейском языке вторым будущим. Кроме значений эпистемической возможности (предположение, согласно терминологии [Рогава, Керашева 1966] и др.; см. (26), (13)), следующим по частоте для анализируемой формы является значение деонтической модальности, т.е. когда возможность/необходимость совершения действия диктуется одним из участников ситуации, например:

- (14) Сыккъыбдэпылана?
 сә-қә-b-de-?ерә?а-п-а?
 1SG.ABS-DIR-2SG.IO-COM-помогать-POТ-Q
 'Тебе помочь?'

¹ Жирным шрифтом выделены те значения, которые могут кодироваться вторым будущим.

(15) Лагъэхэр стхъаклына?

lavɛ-xe-r s-thaɕ'ə-n-a?

тарелка-PL-ABS 1SG.A-мыть-**POТ**-Q

‘Мне помыть тарелки?’ / ‘Можно, я помою тарелки?’

Интересно, что одни и те же предложения могут использоваться как для выражения деонтической возможности, так и деонтической необходимости (15). Такое совмещение функций отмечается в ряде языков [van der Auwera, Plungian 1998].

Далее, второе будущее может использоваться в контексте внешней возможности, т. е. возможности, обусловленной внешними обстоятельствами, не зависящими от субъекта:

(16) Азэма́т неу́щ еджап́эм кло́нэп.

azemat njewəʃ' jeʒ'apɛ-m k_wɛ-n-ɛp

Азамат завтра школа-ERG идти-**POТ**-NEG

‘Азамат завтра не сможет прийти в школу’ {У него сестра выходит замуж, он будет помогать на свадьбе}.

Наконец, может возникать значение внешней необходимости:

(17) Карине непэ лы сыхъатыр тлум нэс ыгъэжъэн.

karjɛnɛ njeɛɛ lə səhatə-r t_wə-m nes ə-ke-ʒe-n

Карина сегодня мясо час-ABS два-ERG до 3SG.A-CAUS-жариться-**POТ**

‘Карина должна будет сегодня жарить мясо до двух часов дня’ [Никонова 2003].

Кроме модальности возможности и долженствования, второе будущее также может возникать в контекстах, характерных для императива или юссива, т. е. побуждения, обращенного к 2-му или к 3-му лицу; ср.:

(18) Джыдэдэм шыкъухэр птхъаклын, шлоихэшъ.

ʒ'ədɛdɛm ʃəq_wə-xe-r p-thaɕ'ə-n ʃ_wɛjə-xe-ʃ

сейчас миска-PL-ABS 2SG.A-мыть-**POТ** грязный-PL-CS

‘Теперь помой миски, [потому что] они грязные’.

(19) Асе лагъэхэр ытхъаклынэп!

asjɛ lavɛ-xe-r ə-thaɕ'ə-n-ɛp!

Ася тарелка-PL-ABS 3SG.A-мыть-**POТ**-NEG

‘Ася не будет мыть тарелки!’ {Я не позволю, чтобы она что-нибудь делала!}

Таким образом, второе будущее в адыгейском языке кодирует значения внешней (в том числе деонтической) модальности, эпистемической возможности и побуждения. Как можно видеть, второе будущее в адыгейском языке вполне соответствует типологическому представлению о поведении модальных показателей, поскольку покрывает соседние зоны на

семантической карте.

Далее, показатель -n используется в целом ряде форм косвенных наклонений. Г.В. Рогава и З.И. Керашева [1966] выделяют предположительное II на -š'tən, предположительное III на -n (в серии прошедшего, давнопрошедшего, будущего I и будущего II, т.е. показатели предположительного наклонения -š'tə-n и -n присоединяются после показателя серии времен), сослагательное II на -nə-кe и III на -nə-кa-кe, возможное I на -n-č'e (-n-č'ə) и возможно-противительное прошедшего совершенного на -n-tjə. В говоре а. Хакуринохабль употребляются не все перечисленные наклонения. Зафиксированы следующие формы (см. также статью Ю.Л. Кузнецовой «Наклонение в адыгейском языке» в наст. сб.): предположительные наклонения, образующиеся при помощи -n, -š't, -n faje, -n-č'jə и -š'tə-n и сослагательные наклонения с показателями -n-jə и -n-к-jə. Согласно Ю.Л. Кузнецовой, сослагательные наклонения, образующиеся с помощью показателя -n, имеют семантику желательности (в отличие от сослагательных наклонений, образующихся с помощью показателя -š't: -š'tə-кe и -š'tə-кa-кe)², т.е. компонент желательности привносится именно показателем -n. Этот факт хорошо сочетается с представлением, что второе будущее на -n может использоваться для обозначения намерения [Кумахов 1989; Paris, Batouka 2005]. Однако остается не вполне понятным, как такое употребление связано с модальными значениями второго будущего – внешней и эпистемической возможностью и внешней необходимостью.

Можно заключить, что второе будущее имеет, кроме предположения и долженствования, ряд других модальных значений. Ниже, однако, будет показано, что семантика данной формы не ограничивается областью модальности.

2.4. Второе будущее в независимом предложении

Выше говорилось, что второе будущее в адыгейском языке является маркированной формой: при переводе примеров с русского носители используют в основном форму первого будущего; если же переспросить тот же пример с формой второго будущего, он обычно не отвергается. То же самое касается модальных значений второго будущего: при переводе с русского примеров, аналогичных (13–19), носители не всегда в первую очередь предлагают перевод с формой второго будущего. Чаще всего в этих значениях употребляются модальные глаголы. Если же спросить, возможен ли данный пример с формой второго будущего, носители обычно разрешают такой пример.

При предъявлении носителю предложения со вторым будущим, довольно часто он уточняет, что такое предложение естественно звучит в каком-то особом контексте. Иногда он приводит пример с модальным значением (2б), иногда предлагает контекст с особым

² Как представляется, показатель -n в ходе грамматикализации данных форм утратил свою первоначальную семантику, поэтому в настоящей работе они не будут рассматриваться.

иллокутивным значением:

(20) а. О тхылъым уеджэцта?
we tхәлә-m w-je-ž'e-š't-a
ты книга-ERG 2SG.ABS-OBL-читать-FUT-Q
'Ты будешь читать эту книгу?'

б. О тхылъым уеджэна?
we tхәлә-m w-je-ž'e-n-a
ты книга-ERG 2SG.ABS-OBL-читать-POT-Q
'{С иронией:} Ты будешь читать эту книгу? {Куда тебе!}'

Примеры (20а, б), предъявленные вне контекста, интерпретируются носителями следующим образом: (20а) представляет собой вопрос о том, будет ли слушающий читать книгу, в то время как (20б) получает интерпретацию ироничного вопроса (т. е. говорящий хочет посмеяться над собеседником, имея в виду, что эта книга для него слишком сложная). Аналогичным образом интерпретируются все примеры со вторым будущим: при переводе с адыгейского носители начинают искать либо какой-нибудь модальный контекст, либо эмоциональное наполнение, либо контекст того или иного косвенного речевого акта (не декларативного и не вопросительного). Интересно, что при этом одни и те же примеры трактуются по-разному (даже одним и тем же носителем): например, (20б) может быть понято, как «Вот она прочитала, а ты смогла бы прочитать эту книгу?», без какой-либо иронии или насмешки. Возможны также другие интерпретации. В этом смысле второе будущее является маркированным по сравнению с первым будущим, которое не требует такого рода дополнительного контекста.

Итак, очевидно, что второе будущее требует какого-либо особого контекста, точнее возникает в различных косвенных речевых актах. Для выяснения семантики данной формы был произведен следующий эксперимент. Носителям были предъявлены формы второго будущего от различных глаголов. Данные формы предъявлялись с личными префиксами и с показателями вопроса и/или отрицания. Также фиксировалась агентивность и неагентивность глагола. Перед носителями ставилась задача оценить грамматичность предложенной формы и, в случае ее грамматичности, придумать контекст, в котором она могла бы прозвучать. Полученные данные были также дополнены примерами второго будущего, взятыми из текстов, собранных в ходе экспедиций.

В результате был собран довольно большой корпус контекстов, в которых может появляться форма второго будущего. Кроме значений будущего времени (4)–(6) и модальных значений, перечисленных в 2.3, возможны следующие интерпретации данной формы:

- спонтанное намерение субъекта:

(21) а. Неуц жьэу сыкъэтэджышт.

njewəš' ž'ew sə-qe-tež'ə-š't

завтра рано 1SG.ABS-DIR-вставать-FUT

'{Мы договорились завтра идти в музей.} Я собираюсь завтра рано вставать'.

б. Неуц жьэу сыкъэтэджын.

njewəš' ž'ew sə-qe-tež'ə-n

завтра рано 1SG.ABS-DIR-вставать-POT

'Я завтра рано встану (только что решила)'.

Носитель предложил для перевода формы второго будущего контекст, в котором субъект принимает решение непосредственно перед моментом произнесения высказывания. В противоположность этому он привел для первого будущего контекст, из которого очевидна запланированность действия. Интересно, что среди предлагаемых интерпретаций второго будущего также возникал контекст запланированного действия; ср. (8).

Следующий набор контекстов можно классифицировать как употребление в различного типа косвенных речевых актах (т.е. исключая декларативный и вопросительный речевые акты), а именно:

- обещание:

(22) Олахэ, тыгъужъым сыщымыщынэн.

welahe tək_wəžə-m sə-š'ə-mə-š'əne-n!

валлах волк-ERG 1SG.ABS-LOC-NEG-бояться-POT

'Честное слово, я не побоюсь волка!'

- просьба о совете:

(23) Къэсщэфына мы джанэр, Маш?

qe-s-š'efə-n-a

mə žane-r

maš?

DIR-1SG.A-покупать-POT-Q

этот платье-ABS

Маша

'{Как ты думаешь,} мне купить это платье, Маша?'

- угроза:

(24) Сежэн!

s-je-že-n!

1SG.ABS-OBL-ждать-POT

'Ну я ее подожду! {чтобы отругать или наказать}'

- выражение уверенности:

(25) Лагъэр слэпызынэп.

lаwε-г s-ʔepəzə-n-ep

тарелка-ABS 1SG.A-ронять-POT-NEG

{Я буду очень осторожно нести и} я не уроню тарелки, {ни в коем случае}'.

ироничный вопрос:

(26) Шыкъухэр птхъакыжьына?

šəq_wə-xε-г p-thač'ə-ž'ə-n-a?

миска-PL-ABS 2SG.A-мыть-RE-POT-Q

Чтобы ты помыла миски? (или: Что, ты – и помоешь миски?!)

- вопрос о мнении слушающего:

(27) Жышхо къепщэна?

ž'ə-š_wε q-jepš'ε-n-a?

ветер-большой DIR-дуть-POT-Q

{Как ты думаешь,} будет сильный ветер?

Итак, можно видеть, что второе будущее в адыгейском языке может иметь довольно широкий спектр разнообразных значений. Интересно, что данная форма может кодировать прямо противоположные значения, как среди значений будущего времени, так в плане выбора типа косвенного речевого акта: например спонтанное намерение (21б) и запланированное будущее (8), выражение уверенности (25) и, наоборот, сомнение (20б), (27) и эпистемическую модальность (26), (13) и т. д. Как представляется, это говорит о том, что форма второго будущего сама по себе не содержит перечисленных семантических компонентов. Данные компоненты привносятся в семантику предложения извне, поскольку носитель пытается вставить глагольную форму в естественный для нее прагматический контекст. При этом важную роль играют такие признаки, как агентивность глагола, лицо и число участников и наличие показателей отрицания и вопроса. Рассмотрим, как именно они влияют на интерпретацию второго будущего.

Полученные контексты систематизированы в таблице по таким параметрам, как лицо, число, агентивность исходного глагола, наличия отрицания и показателя вопроса. В целях краткости приведем лишь фрагмент данной таблицы:

Табл. 1: Употребление второго будущего в независимом предложении

Глагол	Утвердительное предложение		Вопрос
	Агентивный	Неагентивный	Агентивный
1SG	спонтанное намерение, угроза, запланированное будущее, обещание	эпистемическая возможность, предсказание, выражение уверенности	деонтическая возможность или необходимость, совет, сомнение
2SG	деонтическая необходимость или возможность, побуждение ко 2-му лицу	угроза, предсказание, эпистемическая возможность	деонтическая возможность, побуждение ко 2-му лицу, совет, ироничный вопрос
3SG	спонтанное намерение, эпистемическая возможность, запланированное будущее, внешняя необходимость, побуждение к 3-му лицу	эпистемическая возможность, предсказание	внешняя возможность, вопрос о мнении

Как следует из условий эксперимента, приведенные значения не являются единственными возможными значениями соответствующих глагольных форм. Скорее, речь идет о значениях, которые в первую очередь приходили в голову опрошенным, т. е. наиболее характерные для соответствующей формы значения. Полученные результаты отражают специфику употребления тех или иных личных форм в контексте утверждения, отрицания или вопроса для агентивных и неагентивных глаголов. Например, контекст эпистемической возможности или предсказания, сделанного на основании логического умозаключения, прагматически наиболее характерен для неагентивных глаголов в контексте утверждения, а также для агентивных глаголов с 3-м лицом участника, иными словами, в тех случаях, когда ситуация не контролируется говорящим либо слушающим (см. (26), (13)). Контекст спонтанного намерения или запланированного будущего, наоборот, характерен для агентивного глагола; спонтанное намерение чаще всего возникает, если агенсом является сам говорящий, т. е. в контексте 1-го лица (216). В контексте вопроса, обращенного к 1-му или 2-му лицу, наиболее естественна интерпретация будущего времени, как деонтической возможности или необходимости (ср. также рус. *Тебе помочь? Открыть окно?*).

В литературе по модальности не раз отмечалась взаимосвязь между лицом субъекта, иллокутивной силой высказывания и конкретным модальным значением [Heine 1995; Шатуновский 1996 и др.]. Определенные комбинации значений признаков «лицо/число субъекта» и «иллокутивная сила» способствуют разной интерпретации в сфере модальности. Например,

Б. Хайне, анализируя способность модальных глаголов немецкого языка выражать эпистемическое и агентивное значение (значение внутренней возможности/необходимости в принятой выше терминологии), установил, что если предложение является вопросительным или отрицательным и если субъект предложения в 1-ом или 2-ом лице, значение глагола чаще всего является агентивным. Нехарактерность эпистемической интерпретации для контекстов 1-го и 2-го лица субъекта отмечается также И.Б. Шатуновским. Таким образом, грань между контекстно-обусловленной интерпретацией и собственно значением модального глагола в некоторой степени размывается.

Что касается адыгейских модальных значений, развиваемых формой второго будущего, по всей видимости, данные значения являются в полной мере контекстно-обусловленными. Как представляется, оттенки значения, перечисленные выше (деонтическая возможность/необходимость, угроза, предупреждение, совет и т. д.) не имеют отношения собственно к семантике -п, а возникают в зависимости от прагматического контекста. В ходе эксперимента носитель пытается поместить форму второго будущего в контекст заданного лица в высказывание с заданной иллокутивной силой и находит наиболее естественный прагматический контекст. В принципе, ни одна интерпретация не является обязательной: для многих глагольных форм, перечисленных в табл. 1, была бы уместна любая из них – речь идет о наиболее естественном (немаркированном) для носителя контексте, который приходит ему в голову в первую очередь. Иными словами, данные значения не отражают семантику формы на -п, а являются результатом «приспособления» обсуждаемой формы к контексту.

Данное явление описано в [Калинина 2003], где описывается употребление глагольных форм, традиционно причисляемых к нефинитным, в независимом предложении (см. также [Kalinina, Sumbatova 2007]). В частности, причастия, деепричастия и инфинитивы в ряде языков могут использоваться в независимом предложении для выражения различных модальных оттенков (собственно модальность, эвиденциальность и т.п.), а также в различных типах косвенных речевых актов. Аналогичным образом функционируют инфинитивы в ряде европейских языков; см. [Nikolaeva 2007b]. Рассмотрим следующие примеры:

(28) Мне уйти?

(29) Тебе сейчас выходить.

Как известно, инфинитив в русском языке может возглавлять независимое предложение без связки (**Мне было уйти; *Ему было выходить*). При этом инфинитив выражает различные модальные значения (внешняя необходимость и др.), а также служит для выражения различных эмоций в косвенных речевых актах. Такое употребление в значительной степени соответствует употреблению адыгейского второго будущего.

Употребление инфинитива в независимом предложении некоторые исследователи

([Бергельсон 1985]; см. также аналогичные выводы на типологическом материале в [Bhatt 1999]) объясняют следующим образом. Постулируется, что синтаксически инфинитив является не вершиной предложения в (28)–(29), а зависимым при некотором модальном предикате (*Тебе надо выходить* в (29)) или предикате пропозициональной установки (*думать, хотеть, собираться* и т.п.: *Вы хотите, чтобы я ушел?* в (28)). По всей видимости, аналогичным образом следует трактовать второе будущее в адыгейском языке. Аргументом в пользу такой интерпретации может служить следующее: в ходе эксперимента носители довольно часто предлагали контексты, где второе будущее употреблялось в контексте сочиненного с ним или зависимого предиката, например:

(30) Сумкэм лункыбзэр далъхы, бгъэкӀодынэп!

s _w əmke-m	ʔ _w ənçʔəbze-r	da-λh-jə	<u>b-ve-k_wedə-n-ep</u>
сумка-ERG	ключ-ABS	LOC-клась(IMP)-ADD	2SG.A-CAUS-теряться-POT-NEG

‘Положи ключи в сумку, и ты их не потеряешь!’

Хотя синтаксически предикат в (30) *b-ve-k_wedə-n-ep* /2SG.A-CAUS-теряться-POT-NEG/ является вершинным, при переводе данного и аналогичных примеров на русский носители «перестраивают» конструкцию так, чтобы он становился зависимым: «Положи ключи в сумку, чтобы не потерять». Аналогичным образом (25) переводится, как «Буду осторожно нести, чтобы не уронить». Пример (27) в самом контексте, предложенном носителем, содержит ментальный предикат. Довольно часто носители при переводе примера с формой второго будущего подыскивают для формы второго будущего контекст главного предиката (либо модального, либо предиката пропозиционального отношения), уточняя, что данный предикат не произносится, но подразумевается.

Иначе говоря, по ощущениям носителя, семантически вершиной предложений со вторым будущим является не обсуждаемая форма, а некоторый нулевой оператор. Сама по себе форма на -n не может служить для сообщения информации. Для того чтобы использовать ее в независимом предложении, говорящий «домысливает», воссоздает модальную рамку, которая делает предложение естественным (ср. [Калинина 2003]). Иначе говоря, форма второго будущего в независимом предложении ведет себя, как «нефинитные» глагольные формы в языках мира (см. [Калинина 2001]). Отметим также высказывание М.А. Кумахова [1971: 214], согласно которому форма второго будущего «по происхождению... является не финитной, а инфинитной [формой – *Н. С.*], причем со значением намерения, цели или долженствования».

В качестве одного из тестов на финитность глагольной формы грамматики адыгейского языка приводят выбор показателя отрицания [Рогава, Керашева 1966: 253–254; см. также 4.3 введения]. Точнее, в финитной клаузе предикат оформляется суффиксом отрицания -ep, в нефинитной клаузе используется отрицательный префикс тэ-. Интересно, что в отличие от других

временных форм, второе будущее допускает оба вида отрицания; ср.:

(31) Азэма́т еджа́пэм кло́нэп.

azemat jeʒ'ape-m k_we-n-ep

Азамат школа-ERG идти-POT-NEG

‘Азамат не пойдет в школу’ {Комментарий: Я его не пущу}.

(32) Азэма́т еджа́пэм мы́клон.

azemat jeʒ'ape-m mə-k_we-n

Азамат школа-ERG NEG-идти-POT

‘Азамат не пойдет в школу’ {Комментарий: Он сам не захочет}.

Согласно интуиции носителей, данные предложения получают разную интерпретацию (см. комментарий): (31) понимается, как запрет со стороны говорящего, в то время как (32) обозначает нежелание самого участника ситуации.

Аналогичные примеры разбираются в работе [Ландер, Сумбатова 2007]. Согласно трактовке авторов, различие между двумя видами отрицания при втором будущем и в других конструкциях обусловлено не финитностью/нефинитностью глагольной формы, а коммуникативной сферой отрицания. «Финитное» отрицание выбирается, если происходит отрицание ассертивного компонента высказывания, а «нефинитное» отрицание – во всех остальных случаях.

Таким образом, форма второго будущего, несмотря на способность оформлять вершину независимого предложения, довольно сильно отличается от других временных форм, так как она, будучи вершиной независимого предложения, способна присоединять оба показателя отрицания. По всей видимости, это происходит вследствие того, что в отличие от других временных форм второе будущее может оформлять не только ассерцию, но и пресуппозитивный компонент высказывания.

Попытаемся определить семантический инвариант данной формы. На первый взгляд, ряд контекстов указывает на наличие в ее значении компонента желательности. Это контексты спонтанно возникшего намерения, запланированного будущего, деонтической модальности (*Вы можете войти* может с некоторой натяжкой интерпретироваться, как *Я хочу/согласен, чтобы Вы вошли*), обещания и, возможно, также угрозы. Однако этому противоречит употребление данной формы для выражения эпистемической модальности – т. е. употребление, полностью лишенное какого-либо компонента желательности. Имеется довольно много примеров на контексты, в которых ситуация, оцениваемая как вероятная и обозначаемая формой второго будущего, является невыгодной и крайне нежелательной для говорящего и/или субъекта.

Выделение во втором будущем значения эпистемической оценки также приводит к противоречию. В значительной части примеров ситуация, обозначаемая вторым будущим,

оценивается как вероятная, но не обязательная. Тем не менее существуют контексты с полностью противоположным значением, например (25), где говорящий подчеркивает, что ситуация точно будет иметь место.

Фактически единственное, что объединяет все контексты, приведенные в п. 2, – это принадлежность ситуации к моменту времени в будущем и наличие того или иного семантического оператора (модального, пропозициональной установки и т. д.). В зависимости от прагматического контекста, в который помещается высказывание, данный оператор может принимать довольно разнообразные значения, исключая употребление в декларативном и вопросительном речевых актах. Общим для обсуждавшихся выше употреблений формы на -п можно было бы считать значение «мнение говорящего», т. е. ‘говорящий имеет в уме P’, где P – ситуация, занимающая позицию на временной шкале после момента речи. Такое решение позволяет объяснить указанные употребления.

Итак, хотя синтаксически форма на -п оформляет вершину независимого предложения, семантически она не является вершиной: говорящий либо восстанавливает модальный оператор, либо помещает обсуждаемую форму в контекст вершинного предиката, наиболее естественного в данном контексте. Возникает вопрос о соотношении предложенного нами инварианта с семантикой различных форм с показателем -п, которые грамматические описания причисляют к нефинитным (масдар, инфинитив, отглагольное имя и супин). Решению данного вопроса посвящен п. 3.

3. Семантика «нефинитных форм» с показателем -п

Ниже рассматриваются адыгейские глагольные формы с показателем -п. Будет показано, что рассматриваемые формы (за исключением отглагольного имени) и второе будущее, описанное в п. 2, имеет смысл описывать как различные употребления одной и той же глагольной формы, которую мы назовем потенциалсом. Традиционно данные формы описываются, как омонимичные друг другу нефинитные образования с показателем -п. Речь идет о следующих формах: масдар с показателем -п, инфинитив на -п, супин на -пew и отглагольное имя с показателем -п. Инфинитив образуется с помощью показателя -п и не присоединяет падежных маркеров:

(33) Іашэр ышыҥ ылъэкӀыщт.

ʔaʃe-r ə-ʃə-p ə-lɛç'ə-ʃ't

оружие-ABS 3SG.A-делать-POT 3SG.A-мочь-FUT

‘Он способен сделать оружие’ [Рогова, Керашева 1966: 328].

Масдар образуется с помощью показателя -п и может присоединять все падежные маркеры. Ср. пример с абсолютивом:

(34) Мары, еджэныр аублагъ.

marə jɛ-ʒ'e-nə-r a-wəbla-в
вот OBL-учиться-POT-ABS ЗPL.A-начинать-PST
'Вот, занятие началось' [Ibid.: 329].

Супин образуется сочетанием показателя -n и обстоятельственного маркера -ew:

(35) Къутасэ гыклэнэу псы ыгъэстырыгъ.

q_wətase gəʒ'e-n-ew psə ə-ke-stərə-в
Кутасэ стирать-POT-ADV вода 3SG.A-CAUS-кипятить-PST
'Кутасэ вскипятила воду, чтобы стирать' [Ibid.: 111].

Все перечисленные выше формы обозначают ситуацию, а не объект. Отглагольным именем называют формы с показателем -n, обозначающие объект, над которым будет производиться действие:

(36) Даклом дын фихъыгъ.

da_wk_we-m də-n f-jə-hə-в
портной-ERG шить-POT BEN-3SG.A-принести-PST
'Портному принес материал для шитья' (букв. 'то, что будет шить') [Ibid.: 330].

Среди исследователей нет единого мнения по поводу набора нефинитных форм в адыгейском языке. Инфинитив на -n выделяется только в работе [Кумахов 1989]; остальные исследования трактуют все формы, аналогичные əʒən (33), как масдар. У.С. Зекох [1991; 2002] называет масдаром все формы в примерах (33)–(36). Тот же подход проводится в работе [Paris, Batouka 2005], где данные формы характеризуются одним и тем же термином «имя действия». В [Рогава, Керашева 1966] разграничиваются масдар (33)–(34), супин (35) и отглагольное имя (36). В работе [Керашева 1984] глагольные формы в (33)–(34) обозначаются, как «инфинитные образования»; супин (35) выделяется особо. М.А. Кумахов [1989] и К.Х. Меретуков [1985] не разграничивают масдар и супин, обозначая формы в (33) и (35) одним и тем же термином «масдар».

Как было показано в п. 2, второе будущее с показателем -n, которое традиционно рассматривается как форма, омонимичная масдару, инфинитиву и другим, может возглавлять нефинитную клаузу и обладает семантикой, характерной для нефинитных форм глагола. Мы попытаемся определить, насколько масдар и другие формы с показателем -n обладают свойствами нефинитных форм. В этих целях мы рассмотрим морфосинтаксические свойства и семантику данных образований.

3.1. Масдар и инфинитив

М.А. Кумахов [1989] называет инфинитивом глагольную форму с показателем -n без

маркера падежа (37), масдаром – форму с показателем -п и падежным суффиксом (38).

(37) Сыкъэклон слъэкыщтэп.

sə-qe-k_we-n s-лeç'ə-š't-ep
1SG.ABS-DIR-идти-POT 1SG.ABS-мочь-FUT-NEG
'[Извини,] я не смогу прийти'.

(38) КIалэм къэшъоныр икIас.

ç'ale-m qe-š_we-nə-r jə-ç'as
мальчик-ERG DIR-танцевать-POT-ABS POSS-любимый
'Парень любит танцевать'.

В адыгейском языке форма без падежных показателей, т.е. инфинитив, оформляет сентенциальные актанты фазовых и модальных глаголов; при остальных глаголах, способных присоединять сентенциальные актанты, а также в обстоятельственных предложениях, используется масдар, т.е. форма с падежным показателем (при некоторых фазовых глаголах масдар также возможен; ср. (34)).

Как говорилось выше, далеко не все исследователи адыгейского языка разграничивают инфинитив и масдар. В частности, Г. В. Рогава и З. И. Керашева пишут: «В адыгейском языке нет формы инфинитива... характерного для русского и других индоевропейских языков... Функцию инфинитива выполняют здесь инфинитные формы глагола с личными префиксами или масдарная форма глагола с падежными окончаниями» [Рогава, Керашева 1966: 328]. Глагольная форма в (37) трактуется в терминах «инфинитного образования с суффиксом будущего времени». В [Кумахов 1971: 213] приводится следующая формулировка: будущее с показателем -п «может быть использовано в значении инфинитива». Таким образом, постулируется единая интерпретация для второго будущего и инфинитива, в противоположность масдару с падежным оформлением. Большинство исследователей [Рогава, Керашева 1966; Меретуков 1985; Зекох 2002; Paris, Batouka 2005 и др.], однако, предлагают единую трактовку для инфинитива и масдара. Рассмотрим, насколько данные глагольные формы близки ко второму будущему по своим морфосинтаксическим свойствам.

Как говорилось выше, последние типологические исследования рассматривают понятие финитность/нефинитность не как бинарное противопоставление, а в виде шкалы различных признаков. Одна из самых известных шкал финитных признаков предложена Т. Гивоном.

Рис. 2. Шкала финитности Т. Гивона [Givón 1990: 853–854]

Шкала глагольных и именных признаков

Глагольные признаки:

- маркеры времени, вида и модальности

- грамматическое согласование предиката с субъектом
- показатели номинализации

Именные признаки:

- падежное маркирование субъекта и объекта
- артикли и другие приименные определители

Шкала финитных признаков

- время
- модальность
- вид
- отрицание

Глагольные формы различных языков, традиционно рассматриваемые как нефинитные, утрачивают способность выражать некоторые глагольные грамматические категории и приобретают способность присоединять показатели именных категорий, например, артикли, падежи и т. п. Т. Гивон показывает, что утрата глагольных категорий и приобретение именных происходит не случайным образом, а в порядке, который определяется приведенными шкалами. В верхней части данных шкал находятся признаки, которые обычно утрачиваются глагольной формой в первую очередь, ниже – признаки, которые утрачиваются вслед за ними и т. д. По мере приближения к нижней части шкалы снижается финитность обсуждаемой глагольной формы, и она приобретает именные грамматические категории.

Рассмотрим, какую позицию адыгейский инфинитив и масдар занимают на приведенных шкалах. С точки зрения морфологических признаков инфинитив и масдар допускают выражение следующих глагольных категорий: лично-числовое согласование (см. (37) с инфинитивом, (39) с масдаром), видовые и локативные суффиксы (в (40а, б) инфинитив и масдар присоединяют локативный суффикс -ha) и отрицание (см. (41а) с инфинитивом, (41б) с масдаром).

(39) Сизакъоу сыпсэунклэ къин.

s-jə-zaq _w -ew	<u>sə-psewə-n-č'e</u>	qjən
2SG.PR-POSS-один-ADV	2SG.ABS-жить-POT-INS	трудно

‘Мне трудно жить одному’.

(40) а. КIалэр кIэупхъухъан фае.

č'ale-г	<u>č'e-wəpχ_wə-ha-n</u>	faje
мальчик-ABS	LOC-стричь-CIRCUM-POT	надо

‘Мальчика нужно постричь’.

б. Мэзым хытэу кыкылохьаныр сиклас.
 mezə-m xə-t-ew qə-ḵ_we-**ha**-nə-r s-jə-čʰas
 лес-ERG LOC-стоять-ADV DIR-ходить-CIRCUM-POT-ABS 1SG.PR-POSS-любимый
 ‘Я люблю гулять по лесу’.

(41) а. АзэMAT Аскэр емыон ыльэкыгыгэп.
 azemat asker je-mə-we-n ə-λečʰə-β-ep
 Азамат Аскер OBL-NEG-бить-POT 3SG.A-мочь-PST-NEG
 ‘Азамат не мог не подражаться с Аскером’.

б. Машинэ смыфыныр кыин.
 mašine s-mə-fə-nə-r qjən
 машина 1SG.A-NEG-водить-POT-ABS трудно
 ‘Мне трудно не водить (больше) машину’.

Обе формы – и масдар, и инфинитив – присоединяют только «нефинитное» отрицание. Однако, как было показано в заключении к п. 2, нефинитное отрицание может возникать также при втором будущем. В принципе выбор отрицания в адыгейском языке является не морфологическим критерием различения финитных и нефинитных глагольных форм, а маркером ассепции, т. е. «финитное» отрицание преимущественно выбирается в глагольных словоформах, вводящих ассертивный компонент высказывания [Ландер, Сумбатова 2007].

Что касается временных показателей, то обе формы – инфинитив и масдар – различным образом реагируют на прошедшее и будущее время. Обе формы допускают перед собой показатель прошедшего времени -ве:

(42) Лагьэхэр тхьакыгыгэп фэягь.
 lake-xe-r thačʰə-βe-n feja-β
 тарелка-PL-ABS мыть-PST-POT надо-PST
 ‘Надо было помыть посуду’.

(43) Вазэ кыутыгэпкыкы сэщынэ.
 vase q_wətə-βe-n-čʰe s-e-šʰəne
 ваза разбиваться-PST-POT-INS 1SG.ABS-DYN-бояться
 ‘Я боюсь, что ваза разбилась’.

Формы, содержащие показатель инфинитива / масдара и показатель первого будущего - šʰt, признаются неграмматичными. Как представляется, это говорит о том, что «инфинитив» и «масдар» осознаются носителями языка не как формы, омонимичные второму будущему, а как одна и та же форма. В таком случае естественно, что показатели двух будущих времен не могут

одновременно присутствовать в одной форме³.

Ни инфинитив, ни масдар не способны присоединять показатели различных наклонений. Однако следует обратить внимание, что второе будущее также не может выступать в контексте иных наклонений, кроме изъявительного. Дело в том, что в принципе большая часть косвенных наклонений в адыгейском языке образуются только от основы настоящего и прошедшего времен [Рогава, Керашева 1966: 171], например от формы давнопрошедшего времени $k_w e$ - ka - ke '(по)шел' образуется условное I наклонение с помощью показателя $-me$: $k_w e$ - ka - ke - me 'если бы он (по)шел' [Ibid.: 188–89]. Согласно [Рогава, Керашева 1966: 192] первое будущее время может присоединять показатели следующих наклонений: условное I на $-me$, уступительное на $-mjə$ и желательное I с показателем $-wət$. Ни одна из перечисленных форм не может образовываться от основы второго будущего [Ibid.: 198–201]. Иначе говоря, второе будущее время, как и масдар, не способно выступать в различных косвенных наклонениях⁴. Данное свойство является аргументом в пользу причисления формы второго будущего к нефинитным формам глагола.

Таким образом, инфинитив и масдар способны выражать все глагольные категории, за исключением наклонения и «финитного» отрицания, и занимают практически самую высокую позицию в шкале финитности Гивона (т. е. демонстрируют большое количество финитных свойств). Очевидно, изложенные факты говорят в пользу интерпретации инфинитива и второго будущего как одной глагольной формы.

Масдар, в отличие от инфинитива демонстрирует ряд именных свойств. Во-первых, масдар может присоединять падежные показатели; ср. (38) и (43). В принципе, в адыгейском языке все глагольные формы могут присоединять падеж при отсылке к участнику ситуации ($k_w a$ - we - g идти- PST - ABS 'ушедший', $k_w e$ - $š'tə$ - g идти- FUT - ABS 'тот, который пойдет' [Рогава, Керашева 1966: 314–315]), т. е. при релятивизации (см. подробнее п. 9.3.3 введения). Однако в случае, если глагольная форма обозначает не участника ситуации, а саму ситуацию (т. е. в актантных предложениях), как в

³ В адыгейском языке имеется форма, имеющая в составе показатели $-š't$ и $-n$ одновременно. Это предположительное наклонение с показателем $-š'tən$, которое диахронически восходит к форме «второго будущего» от глагола $š'tə$ 'стоять', т. е. это не опровергает утверждения, что показатели будущих времен не могут совмещаться в одной словоформе.

⁴ Г.В. Рогава и З.И. Керашева [1966: 198–201] считают косвенными наклонениями также «союзное I», «союзное II» и «сослагательное III» наклонения, которые образуются с помощью суффиксов $-tjə$, $-š$ и $-njə$, соответственно. Однако семантико-синтаксические свойства данных форм (в частности, неспособность употребляться в позиции вершины независимого предложения) скорее говорит в пользу их трактовки как «квазисочинительных» форм, или показателей зависимого обстоятельственного предложения. Аналогичным образом мы не причисляем к косвенным наклонениям «возможное I наклонение» с показателем $-n-č'jə$ (сами авторы отмечают, что данная форма является нефинитной, и употребляется только в контексте вершинных модальных глаголов).

(38) и (43), действует следующее ограничение: глагольные формы, обозначающие ситуацию, могут присоединять только маркеры инструментального и обстоятельственного падежа. Напротив, масдар способен присоединять показатели всех четырех падежей (см. подробнее об этом п. 2.1 в статье Н.В. Сердобольской и А.В. Мотлохова «Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке» в наст. сб.).

Во-вторых, при масдаре допустимо опущение личных согласовательных префиксов, например:

(44) Машинэ (с)фыныр къысфэкъин.

mašine	(s)-fə-nə-r	qə-s-fe-qjən
машина	(1SG.A)-водить-POT-ABS	DIR-1SG.IO-BEN-трудно

‘Мне трудно водить машину’.

Отметим, однако, что чаще всего все согласовательные префиксы при масдаре сохраняются. Опущение личных согласовательных префиксов возможно только при формах масдара в абсолютиве или эргативе (см. статью Н. В. Сердобольской и А. В. Мотлохова в наст. сб.).

Далее, масдар проявляет следующие именные свойства. В адыгейском языке имена в отличие от глаголов характеризуются способностью присоединять показатель отторжимой принадлежности *jə-*, например: *s-jə-š* ‘моя лошадь’, *w-jə-š* ‘твоя лошадь’ (см. п. 6.1 введения и статью И.М. Горбуновой «Посессивные конструкции» в наст. сб.). Глагольные формы данный префикс не присоединяют. При масдаре обсуждаемый префикс допускается; ср.:

(45) Сиклон дэгъу сичъэн нахь.

s-jə-k _w e-n	dek _w ə	s-jə-še-n	nah
1SG.PR-POSS-ходить-POT	хороший	1SG.PR-POSS-бегать-POT	по сравнению

‘Хожу хорошо, а бегаю не очень’ (букв. ‘Мое хождение хорошее, по сравнению с бегом’).

Но такие конструкции не всегда грамматичны; ср. (45) и (46).

(46) *Клалэм икъэшъон иклас.

*č’ale-m	jə-qe-š _w e-n	jə-č’as
мальчик-ERG	POSS-DIR-танцевать-POT	POSS-любимый

‘Парню нравится танцевать’.

Следующее именное свойство масдара – способность употребляться без падежного показателя абсолютива или эргатива⁵. В адыгейском языке маркеры абсолютива и эргатива опускаются при неопределенных и нереферентных именах (см. табл. 6 в п. 6.1 введения).

⁵ Обсуждаемые свойства не являются взаимонезависимыми, а именно при именах показатель падежа всегда опускается в контексте посессивного маркера *jə-*. Аналогичное правило соблюдается при масдаре; ср. (45).

Опущение абсолютива возможно также при масдаре⁶:

(47) Клон дэгъу.

k_we-n dek_wə
ходить-POТ хороший
'Ходить полезно'.

Однако не все подобные примеры разрешаются носителями:

(48) а. *Клалэм къэшъон иклас.

*ç'ale-m qe-š_we-n jə-ç'as
мальчик-ERG DIR-танцевать-POТ POSS-любимый
'Парню нравится танцевать'.

Неграмматичность (48а) связана именно с отсутствием падежного суффикса, ср.:

б. Клалэм къэшъоныр иклас.

ç'ale-m qe-š_we-nə-r jə-ç'as
мальчик-ERG DIR-танцевать-POТ-ABS POSS-любимый
'Парню нравится танцевать'.

Уточним, что в (48) речь идет о нереферентной ситуации. Следовательно, ожидалось бы, что будет выбрано оформление, характерное для нереферентных имен. Однако этого не происходит. Это говорит о том, что масдар не вполне демонстрирует именные свойства.

Итак, масдар допускает опущение личных префиксов, присоединение показателя отторжимой принадлежности и опущение абсолютного показателя, но такие конструкции не всегда грамматичны. Иными словами, масдар может быть вершиной различных синтаксических конструкций, в разной степени демонстрирующих свойства именной группы или предикации. В (45) и (38) мы имеем дело с двумя различными конструкциями: s-jə-k_we-n /1SG.PP-POSS-идти-POТ/ в (45) проявляет больше именных свойств, чем qe-š_we-nə-r /DIR-танцевать-POТ-ABS/ в (38), т.е.

⁶ Форма масдара с опущенным показателем абсолютива омонимична инфинитиву с показателем -n. Можно было бы предположить, что в (47) вершина зависимой предикации – инфинитив; в таком случае запрет на (48а) и разрешение на (47) связаны с различными свойствами главных предикатов dek_wə и jəç'as. Против этой гипотезы имеется несколько соображений. Во-первых, инфинитив обычно употребляется при предикатах, которые допускают либо инфинитив, либо основу глагола без суффиксальных показателей (за исключением некоторых глаголов с семантикой начинательности). Напротив, при dek_wə sentенциальный актант чаще всего маркируется масдаром; примеры, аналогичные (47), достаточно маргинальны. Во-вторых, при инфинитиве обычно допустимы различные лично-числовые префиксы, версия, локативные префиксы и т. д. В противоположность этому при масдаре в (47) такие префиксы не допускаются. В силу этого кажется вероятным, что такие формы представляют собой лексикализованные употребления, близкие к отглагольным существительным.

возглавляет именную группу, в которой может появляться посессивный показатель.

Как следует трактовать именные свойства масдара в свете гипотезы об омонимии масдара и второго будущего? По-видимому, способность масдара возглавлять «именные» конструкции не говорит в пользу признания омонимии. В языках мира широко распространено явление, когда одна и та же глагольная форма способна возглавлять несколько конструкций, одна из которых в большей степени демонстрирует свойства именной группы, вторая – свойства предикации, третья – в равной степени те и другие свойства. Например, английский герундий способен возглавлять несколько конструкций с различными морфосинтаксическими свойствами: все аргументы герундия могут маркироваться, как именные зависимые (*Mary's singing of the song*), как глагольные зависимые (*Mary singing the song*), а также допускать смешанную стратегию маркирования (*Mary's singing the song*); см., например [Abney 1987]. Кроме того, «именные» конструкции при адыгейском масдаре гораздо менее частотны, чем «глагольные».

Итак, по своим морфосинтаксическим свойствам инфинитив и масдар занимают достаточно высокое положение на шкале финитности Т. Гивона, проявляя практически те же свойства, что и второе будущее (за исключением типа отрицания). Рассмотрим, насколько семантика данных форм отражает функциональные особенности второго будущего.

Инфинитив в адыгейском языке оформляет сентенциальные актаны при фазовых и модальных глаголах, например:

(49) Лагъэр стхъаклын фае.

lake-r s-thač'ə-n faje

тарелка-ABS 1SG.A-мыть-POT надо

‘Мне надо помыть посуду’.

(50) Ащ къэшъон ригъэжьагъ.

a-š' qe-šwe-n r-jə-ke-ž'a-κ

тот-ERG DIR-танцевать-POT OBL-3SG.A-CAUS-начинаться-PST

‘Он начал танцевать’.

Масдар используется при следующих глаголах, присоединяющих сентенциальные актаны:

- фазовые глаголы jež'ə- ‘начинаться’ и wəxə- ‘заканчивать’:

(51) Сэ пластэ шхыныр къэсыухыгъ.

se paste šxə-nə-r qe-sə-wəxə-κ

я каша есть-POT-ABS DIR-1SG.A-заканчивать-PST

‘Я доела кашу’.

- эмотивные глаголы S'Ene- ‘бояться’, gWERe- ‘надеяться’, jEC&'as и EgW rjeHЕ- ‘нравиться’:

- (52) Сытефэнклэ сэщынэ.
 sə-tje-fe-n-č'e s-e-š'əne
 1SG.ABS-LOC-падать-POТ-INS 1SG.ABS-DYN-бояться
 'Я боюсь упасть'.

Масдар не может выступать в зависимой предикации при глаголах g_wəbžə- 'сердиться', g_wəš_we- 'радоваться'. При данных глаголах необходимо использовать фактивную форму с показателем zere-:

- (53) Ар мэгушло хым зэрэклоштым пае.
 а-г ме-g_wəš_we хə-m zere-k_we-š'tə-m раје
 тот-ABS ДУН-надеяться море-ERG FCT-идти-FUT-ERG для
 'Он радуется, что поедет на море' {это уже решено заранее.}

Распределение масдара и фактивной формы при данных предикатах определяется семантикой главного предиката. Эмотивные предикаты, имеющие фактивную семантику (в терминах [Зализняк 1990]; см. подробнее статью Н. В. Сердобольской и А. В. Мотлохова в наст. сб.), оформляют сентенциальный актант фактивной формой и накладывают запрет на масдар. Эмотивные предикаты, которые вводят сентенциальный актант со значением гипотетической ситуации (как 'бояться', 'надеяться', 'нравиться'), употребляются с масдаром.

- различные ментальные предикаты со значением 'думать', 'полагать':

- (54) Мыекъуапэ щыпсэунклэ сенэгуе.
 məjeq_wape š'ə-psewə-n-č'e s-jeneg_wəje
 Майкоп ЛОС-жить-POТ-INS 1SG.ABS-предполагать
 'Я думаю, что он будет жить в Майкопе'.

При данном типе предикатов масдар может использоваться только для обозначения пропозиции. Если зависимая предикация обозначает факт, необходимо использовать фактивную форму:

- (55) Кіэлэегъаджэм ешлэ Азэмат шъхангъупчъэр зэрэхиутыгъэр.
 č'elejəwəže-m je-še
 учитель-ERG OBL+DYN-знать
 azemat šhan_wəpse-r zere-x-jə-wətə-ke-r
 Азамат окно-ABS FCT-LOC-3SG.A-разбивать-PST-ABS
 'Учитель знает, что Азамат разбил окно'.

- оценочные предикаты deRWE «хорошо», qjEn «трудно», tHaRWe «приятно» и т. п.:

Оценочные предикаты допускают как масдар, так и фактивную форму, ср.:

(56) ПцЫ уусыныр дэгъоп.

рцэ wə-wəsə-nə-r de_{w-ep}

ложь 2SG.A-сочинять-POT-ABS хорошо-NEG

а. 'Врать нехорошо'. б. 'Если ты соврешь, будет нехорошо'.

(57) АзэмаТ Аскэр зэреуагъэр дэгъоп.

azemat asker zer-je-wa-ke-r de_{w-ep}

Азамат Аскер FCT-OBL-бить-PST-ABS хорошо-NEG

'Нехорошо, что Азамат побил Аскера'.

В контексте оценочных предикатов масдар выбирается, если речь идет о гипотетической ситуации, не имеющей места в реальном мире, как в (56). Возможна также интерпретация данной ситуации, как потенциальной: «если ты соврешь в будущем, будет нехорошо». Для выражения оценки ситуации, произошедшей в реальном мире, как в (57), используется фактивная форма. Важно подчеркнуть, что выбор между двумя стратегиями оформления не связан с временной отнесенностью зависимой ситуации. Можно было бы предположить, что масдар выбирается всегда, когда зависимая ситуация происходит после ситуации в главной предикации, а в остальных случаях используется фактивная форма. Однако это не так: фактивная форма может употребляться при любом типе временной соотнесенности главной и зависимой предикаций, в том числе для обозначения ситуации в будущем. В таком случае фактивная форма оформляется показателем первого будущего -š't:

(58) АзэмаТ Аскэр зэреощтыр дэгъоп.

azemat asker zer-je-we-š'tə-r de_{w-ep}

Азамат Аскер FCT-OBL-бить-FUT-ABS хорошо-NEG

'Нехорошо, что Азамат будет бить Аскера'.

Носители комментируют данный пример, как подразумевающий уверенность говорящего в том, что зависимая ситуация будет иметь место; как в (55) и (57), истинность зависимой предикации находится в пресуппозиции. При такой интерпретации обязательно использование первого будущего. Второе будущее в (58) является неграмматичным: носители запрещали в этом и схожих контекстах форму *zer-je-wə-nə-r* /FCT-OBL-бить-POT-ABS/.

Показатель -n не может употребляться в составе фактивной формы: подобные формы запрещаются носителями как неграмматичные⁷. Это говорит о том, что семантика данного показателя не сочетается с семантикой факта (в понимании [Зализняк 1990]). Аналогичный вывод

⁷ Следует оговориться, что в составе фактивной формы может возникать сочетание показателей -n и -ew (например, при матричном предикате «быть готовым к тому, чтобы...»). Данные случаи, однако, довольно маргинальны.

можно сделать относительно употребления масдара при эмотивных и ментальных глаголах. Предикаты с семантикой «бояться», «надеяться», «нравиться», «думать», «полагать» в языках мира способны присоединять гипотетическую зависимую ситуацию, в то время как «сердиться», «радоваться» и «знать» присоединяют факт. Соответственно масдар употребляется при предикатах «бояться», «надеяться», «нравиться» и «думать» и недопустим при «сердиться», «завидовать», «знать» и других: в этих случаях выбирается фактивная форма.

Таким образом, масдар используется для обозначения гипотетической ситуации, не принадлежащей реальному миру, в отличие от фактивной формы, отсылающей к ситуации, которая в силу соответствующей пресуппозиции имеет место в реальном мире (т. е. либо произошла в прошлом, либо происходит в настоящем времени, либо произойдет в будущем с высокой степенью вероятности, как в (58)).

Кроме конструкций с сентенциальными актантами, масдар оформляет вершину зависимых обстоятельственных предложений, например при послелогох *paje*(ç'е) 'чтобы', *ape* 'перед тем как', *nahjə* 'по сравнению с', *əçəreç'*е 'вместо', *əpe*(ç'е) 'прежде чем', *wəžəm* 'после' и др.:

(59) Таурыхъыр кыпфэслотэным ыпэ узгъэшхэшт.

<i>tawrəxə-r</i>	<i>qə-p-fe-s-ʔ_wete-nə-m</i>	<i>əpe</i>
сказка-ABS	DIR-2SG.IO-BEN-1SG.A-рассказывать-POT-ERG	прежде
<i>wə-z-ke-šxe-š't</i>		
2SG.ABS-1SG.A-CAUS-есть(AP)-FUT		

'Перед тем как рассказывать тебе сказку, я сначала тебя покормлю'.

(60) Гъэшхэн ужым узгъэгъолгыжьышт.

<i>ke-šxe-n</i>	<i>wəžəm</i>	<i>wə-z-ke-ʔ_wełə-ž'ə-š't</i>
CAUS-есть(AP)-POT	после	2SG.ABS-1SG.A-CAUS-ложиться-RE-FUT

'После того, как я тебя покормлю, я тебя уложу спать'.

(61) Шъузэхъонын нахы шъузэшлужыгыгъот!

<i>š_wə-z.e.χ_wenə-n</i>	<i>nahjə</i>	<i>š_wə-z.e.š_wə.ž'ə-ʔ_wet</i>
2SG.ABS-ругаться-POT	чем	2SG.ABS-мириться-DSD

'Чем ругаться, лучше бы помирились'.

(62) Сэ даклом шэкі кыфэсхыгыгъ, джанэ кысфидыным пае.

<i>se</i>	<i>daχ_we-m</i>	<i>šeç'</i>	<i>qə-fe-s-hə-ʔ</i>	<i>ž'ane</i>
я	портной-ERG	материал	DIR-BEN-1SG.A-нести-PST	платье
<i>qə-s-f-jə-də-nə-m</i>			<i>paje</i>	
DIR-1SG.IO-BEN-3SG.A-шить-POT-ERG			для	

'Я принесла портному материал, чтобы он сшил платье'.

Как и в конструкциях с сентенциальными актантами, в (59)–(62) масдар также отсылает к

гипотетической ситуации, не принадлежащей реальному миру (точнее, к ситуации, которую говорящий представляет как не принадлежащую реальному миру⁸). Таким образом, семантика масдара может быть описана так же, как семантика второго будущего, т.е. «мнение говорящего», или «ситуация, относящаяся к ментальному миру».

Семантика второго будущего в адыгейском языке была описана в п.2 следующим образом: 'говорящий имеет в уме P', где P – ситуация, занимающая позицию на временной шкале после момента речи. С точки зрения временной соотнесенности масдар и инфинитив не вполне отвечают данному определению. Инфинитив может отсылать к ситуации, которая будет происходить после момента речи, а именно в контексте фазовых глаголов. Однако инфинитив также используется в контексте модальных глаголов, способных вводить как ситуации, которые будут происходить после момента речи (ср. (49): «надо (сейчас) помыть посуду»), так и ситуации, не соотнесенные с временной шкалой, в том числе родовые («вообще в принципе надо мыть посуду»).

Аналогичным образом масдар в адыгейском языке может обозначать потенциальную ситуацию при глаголах со значением 'начинать', 'бояться' (51), 'надеяться', 'думать' (54) и в контексте послелогов 'перед тем как' (59) и 'чтобы' (62) или ситуацию, не занимающую фиксированной позиции на временной шкале: например, при оценочных предикатах (56), 'заканчивать' (51)⁹ и в контексте послелогов 'после того как' (60) и 'чем' (61). При этом в контексте глагола 'заканчивать' и 'после того как' масдар вводит ситуацию, временная отнесенность которой не фиксирована, а задается глаголом или послелогом; при оценочных предикатах и послелогом *naħjə* 'чем' масдар обозначает родовую ситуацию.

Таким образом, и масдар, и инфинитив отличаются от второго будущего по параметру временной отнесенности: в отличие от второго будущего, данные формы могут обозначать не только потенциальную ситуацию, но и ситуацию, не занимающую фиксированной позиции на

⁸ Например, предложение (61) уместно тогда, когда зависимая ситуация уже осуществилась. Однако говорящий «возвращается» в некоторый момент в прошлом (относительно которого данная ситуация принадлежит миру возможного будущего) и предлагает альтернативное развитие событий. Иная ситуация в (60): здесь масдар может быть употреблен и в случае, если зависимая предикация отсылает к потенциальной ситуации, и в случае уже совершившейся ситуации: «после того как я тебя покормлю, я тебя уложу спать». Иначе говоря, зависимая ситуация не имеет фиксированной позиции на временной шкале; временная референция устанавливается контекстом, т. е. исходя из выбранного послелога и временной характеристики главной предикации.

⁹ Глагол «заканчивать» в языках мира присоединяет либо глагольные формы длительного вида (напр., герундий в английском языке), либо различные грамматикализованные формы (инфинитив в романских и германских языках, деепричастия в финно-угорских языках) без фиксированной временной соотнесенности.

временной шкале. В остальном семантика и морфосинтаксические свойства анализируемых форм совпадают. Аргументы за разграничение инфинитива и масдара – наличие/отсутствие падежного маркера и способность масдара возглавлять именную группу – не представляются достаточно убедительными.

3.2. Супин

Супином в работах некоторых исследователей [Рогава, Керашева 1966; Керашева 1984] называется форма с показателем -n и обстоятельственным маркером -ew. Как было показано выше, инфинитив и масдар обладают полным набором финитных свойств за исключением «финитного» отрицания. Аналогичным образом супин в адыгейском языке присоединяет показатели лично-числового согласования, видовые суффиксы и нефинитное отрицание:

(63) О лагъэхэр умытхъакын(х)эу сыфай.

we	lave-xe-r	<u>wə-mə-thač'ə-n-(x-)ew</u>	sə-faj
ты	тарелка-PL-ABS	2SG.A-NEG-мыть-ПОТ-(PL-)ADV	1SG.ABS-хотеть

‘Я хочу, чтобы ты не мыл тарелки’.

В (63) супин присоединяет суффиксальный показатель множественного числа -x(e), префиксальный показатель 2-го лица wə- и «нефинитное» отрицания mə-. Кроме того, как и масдар, супин может оформляться показателем прошедшего времени -xe, но не может присоединять суффикс первого будущего -š't. Таким образом, с точки зрения морфосинтаксических свойств супин, как и масдар, не представляется правомерным интерпретировать как форму, омонимичную второму будущему. Рассмотрим функционирование данной глагольной формы. Супин в адыгейском языке используется в следующих контекстах:

- при предикатах намерения, желания и каузации (faj- ‘хотеть’, hazəgə- ‘готов’, zəxəhazəgə- ‘собираться’ и т. п.):

(64) Сэ университетым сыщеджэнэу сыфай.

se	wənjəversjətjetə-m	<u>sə-š't-je-ž'e-n-ew</u>	sə-faj
я	университет-ERG	1SG.ABS-LOC-OBL-учиться-ПОТ-ADV	1SG.ABS-хотеть

‘Я хочу учиться в университете’.

- при ментальных предикатах (с теми же ограничениями, что и масдар¹⁰):

¹⁰ О факторах, определяющих выбор между масдаром и супином (или, в другой терминологии, выбор падежа масдара) в этом и других случаях см. статью Н.В. Сердобольской и А.В. Мотлохова «Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке» в наст. сб.

(65) Ункыбзэхэр згъэклодынэу кыыщэхъу.

wənç'əbze-xe-r z-ke-k_wedə-n-ew qə-s-š' -e-χ_wə
ключ-PL-ABS 1SG.A-CAUS-терять-**POT-ADV** DIR-1SG.ABS-LOC-DYN-случаться
'Я опасуюсь, что потеряю ключи'.

- при эмотивных предикатах (с теми же ограничениями, что и масдар):

(66) Цумпэр къэсыугъоинэу сыгу рехъы.

c_wəmpɛ-r qe-sə-wəχ_wejə-n-ew sə-g_w r-j-e-hə
клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-**POT-ADV** 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
'Мне нравится собирать клубнику.'

- при оценочных предикатах (с теми же ограничениями, что и масдар):

(67) О чышхъэ-мышхъэхэр пшхынэу дэгъу.

we çəsheməshe-xe-r p-šxə-n-ew deχ_wə
ты ФРУКТ-PL-ABS 2SG.A-ЕСТЬ-**POT-ADV** ХОРОШО
'Тебе полезно есть фрукты'.

- в обстоятельственных предложениях со значением цели:

(68) Сумкэм лункыбзэр далхъ, умыгъэклодынэу.

s_wəmkɛ-m ?wənç'əbze-r da-λh wə-mə-ke-k_wedə-n-ew
сумка-ERG ключ-ABS LOC-класть(IMP) 2SG.ABS-NEG-CAUS-теряться-**POT-ADV**
'Положи ключи в сумку, чтобы не потерять!'

Во всех перечисленных случаях значение супина полностью соответствует семантическому инварианту масдара: гипотетическая ситуация, принадлежащая ментальному миру и занимающая позицию на временной шкале после момента речи или не занимающая фиксированной позиции на временной шкале.

3.3. Отглагольное имя

Отглагольным именем в адыгейском языке называют лексикализованные формы масдара, которые обозначают предмет, а не ситуацию (36). Так как данные формы являются результатом лексикализации масдара, они полностью приобретают морфосинтаксические свойства и семантику существительного. Например, dən (пример (36) выше) /шить-**POT**/ обозначает не ситуацию, а материал для шитья (букв. 'то, из чего будут шить'). Такие существительные образуются от ограниченного числа глаголов адыгейского языка [Рогава, Керашева 1966: 330]. Очевидно, данные формы не могут рассматриваться как особые употребления второго будущего или масдара, но представляют собой отдельные лексические единицы.

Важно, однако, различать отглагольные имена с показателем -n и релятивные обороты со

вторым будущим. Рассмотрим следующий пример:

(69) Машэ сфэзыт҃ын сьлээхьу.

maše s-fe-zə-tə-n

sə-λ-e-χ_{wə}

яма 1SG.IO-BEN-REL.A-копать-POT

1SG.ABS-LOC-DYN-искать

‘Я ищу человека, который выкопает для меня яму’ (букв. ‘ищу того, кто будет копать’).

Буквально данное предложение соответствует релятивному обороту «ищу того, кто бы выкопал», вершиной которого является агенс зависимой ситуации (причастие в терминах [Рогава, Керашева 1966]). Форма с показателем -n в данном примере присоединяет показатель версии и личный показатель первого лица. Такие конструкции на самом деле представляют собой частный случай релятивного оборота – обороты с нулевой вершиной. Релятивный показатель zə- в (69) занимает в глагольной словоформе позицию мишени релятивизации, т.е. позицию эргативного участника, который в (69) не выражен.

Следовательно, в (69) мы имеем дело не с лексикализованным отглагольным именем, а со вторым будущим в составе релятивного оборота. Форма с показателем -n в таких примерах отсылает к участнику ситуации. Данная ситуация, как и в случае с вторым будущим, принадлежит ментальному миру говорящего и занимает позицию на временной шкале после момента речи. Иными словами, значение анализируемой формы в полной мере соответствует семантическому инварианту второго будущего, выделенному в разделе 2.

3.4. Обобщение и выводы

Обратимся к семантике глагольных форм, проанализированных в разделе 3. Можно ли определить компонент значений, общий для всех употреблений «нефинитных» форм с показателем -n, иначе, чем мы определили семантический вариант для второго будущего?

На первый взгляд, в большей части контекстов, рассмотренных в разделе 3, выделяется семантический компонент желания. В особенности, это касается супина, который используется для выражения цели (следовательно, может содержать компонент желания или, по крайней мере, намерения), а также при предикатах желания, намерения или каузации. Однако против такой трактовки говорит употребление супина при ментальных предикатах. Заметим, что во многих языках использование инфинитива при ментальных глаголах с семантикой ‘думать’ и ‘полагать’ приводит к семантическому сдвигу в значении глагола: ‘думать’ → ‘собираться’ (ср., напр., рус. *Я думаю завтра поехать в зоомагазин ~ собираюсь*). Если бы в семантике адыгейского супина имелся компонент желания, такой же сдвиг отмечался бы и в адыгейском. Однако этого не происходит. Супин при ментальных глаголах (в противоположность фактивной форме) используется для обозначения ситуации в будущем, относительно которой говорящий не имеет уверенности, ср. (68): ‘Я опасуюсь, что потеряю ключи’, но не ‘Собираюсь потерять’.

Компонент желания или намерения также отсутствует во многих употреблениях масдара:

при оценочных предикатах (56), а также при глаголе 'бояться' (52), который уже по своей семантике предполагает нежелательность ситуации для субъекта.

Употребление в контексте ментальных предикатов и эмотивных глаголов 'бояться' и 'надеяться' позволяет предположить наличие в семантике масдара компонента вероятностной оценки ситуации. Однако такой компонент полностью отсутствует при оценочных предикатах, а также при послелогах 'после того как' и 'перед тем как'. Следовательно, данная гипотеза также не находит подтверждения.

Как представляется, общим для обсуждавшихся выше употреблений можно было бы считать значение «мнение говорящего», т.е. 'говорящий имеет в уме Р', где Р – ситуация, относящаяся к будущему либо не локализованная на временной шкале. Такое решение позволяет объяснить рассмотренные употребления. В отличие от фактивной формы на zero-, «нефинитные» формы с показателем -n не допускаются в контексте, где подразумевается истинность зависимой ситуации (53), (57), (58). Иными словами, данные формы выступают в контекстах «снятой утвердительности» по [Падучева 2004].

Итак, все рассмотренные в данном разделе глагольные формы обладают одними и теми же морфосинтаксическими свойствами и могут быть описаны одним семантическим инвариантом. (Особым образом мы предлагаем выделять только отглагольные имена с показателем -n.) Единственное различие между анализируемыми формами состоит в их временной интерпретации: второе будущее используется для обозначения действия в будущем, а супин и масдар могут кодировать ситуации, не имеющие фиксированной позиции на временной оси.

Кажется, что это может послужить аргументом в пользу признания омонимии второго будущего и масдара/супина. Однако такое решение представляется неправомерным. Типологически распространены случаи использования одной и той же временной глагольной формы для обозначения ситуации в будущем и хабитуалиса [Bhat 1999; Татевосов 2004]. Как представляется, хабитуалис может рассматриваться как частный случай «родовой» ситуации, т.е. ситуации, не имеющей временной соотнесенности. М. Хаспельмат [Haspelmath 1989] показывает, что для инфинитивов в ряде языков крайне характерно диахроническое развитие от целевой формы (супины, инфинитивы и т.д., т.е. формы, использующиеся преимущественно в целевых конструкциях, напр. *Я иду охотиться*) с временной отнесенностью к будущему до формы, не имеющей четкой временной отнесенности (в частности, способной обозначать родовую ситуацию при оценочных предикатах: *Курить вредно* — и при глаголе с семантикой окончания действия: *Он закончил писать письмо*).

Таким образом, у формы второго будущего в контексте модальных, фазовых и оценочных предикатов возникает особая временная интерпретация: а именно, тип временной соотнесенности либо обуславливается главным глаголом (как при «заканчивать»), либо ситуация

интерпретируется как родовая (в контексте оценочных предикатов: *Курить вредно*).

Далее, как и у инфинитива в русском и во многих европейских языках (см. [Nikolaeva 2007b]), у формы с показателем -n в независимом предложении возникают особые значения, отсутствующие в зависимой предикации: предположение, уверенность, деонтическая возможность и т.д. Данные значения возникают в результате того, что говорящий пытается вписать форму второго будущего в контекст какого-либо ментального предиката, и в значительной степени определяются факторами прагматического плана.

Наблюдаемые семантические сдвиги не могут считаться достаточными для постулирования омонимии рассматриваемых глагольных форм.

В результате, мы предлагаем следующую интерпретацию форм с показателем -n. Во всех употреблениях (кроме лексикализованного отглагольного имени, как в (36)), мы имеем дело с одной и той же формой, которую мы предлагаем обозначать термином «потенциалис». Данная форма обозначает ситуацию, относящуюся к будущему либо не локализованную на временной шкале и принадлежащую ментальному миру говорящего (или субъекта главной предикации). Из такого определения следует, что данная форма может использоваться только в недеklarативных речевых актах (ср. понятие финитности в [Kalinina, Sumbatova 2007]). Значение мнения может возникать в целом ряде косвенных речевых актов, в зависимости от конкретного прагматического контекста. В результате потенциалис может использоваться в широком спектре случаев, как в независимом предложении, так и в полипредикации.

Итак, мы предлагаем анализировать второе будущее не как временную форму, а как частный случай употребления потенциалиса с показателем -n. Как было показано, несмотря на то, что второе будущее может выступать в позиции вершины независимого предложения, «семантической вершиной» такого предложения является некоторый модальный оператор. Как представляется, этим оператором является мнение говорящего. Встает вопрос, почему идет речь именно о мнении говорящего; возможно, следовало бы говорить о мнении агенса в ситуации, обозначаемой потенциалисом (или экспериенцера). Также не вполне ясно, идет ли речь о мнении говорящего, если потенциалис выступает вершиной сентенциального актанта.

Уточним, почему речь идет именно о мнении говорящего. В таблице 1 показано, что интерпретация второго будущего в независимом предложении в значительной степени зависит от лица субъекта. Значение спонтанного намерения возникает только в контексте первого лица (агентивный глагол); наоборот, при втором лице (агентивный глагол) чаще возникает значение императива или внешней необходимости. Иными словами, носители помещают предложенный пример именно в контекст ситуации с говорящим, интерпретируя предложенную форму с точки зрения именно собственной вовлеченности в ситуацию. Если субъект действия является говорящим и глагол агентивный, возможна интерпретация «спонтанное намерение», т.к. говорящий контролирует ситуацию. Наоборот, в контексте второго лица и агентивного глагола

такая интерпретация невозможна: говорящий не может спонтанно решить выполнять действие, которое он никак не контролирует. Следовательно, возникает интерпретация приказа или мягкой просьбы.

Встает вопрос, как интерпретируются предложения с агенсом в третьем лице: субъект думает, что выполнит некоторое действие, или же это мнение говорящего. Рассмотрим пример изолированного предложения с агентивным глаголом, где агенс – третье лицо:

(70) Азэма́т еджа́плэм кло́н.

azemat jeʒ'ape-m kwɛ-n

Азэма́т школа-ERG идти-POТ

‘Азэма́т по́йдет в школу’.

В ответ на предложенные интерпретации ‘Азэма́т так хочет/думает’ и ‘Я так хочу/думаю’, носители выбирают второй вариант перевода. Это подтверждает гипотезу, что потенциалис кодирует мнение говорящего, а не участника ситуации.

Перейдем к анализу употребления потенциалиса в зависимой предикации. В таких конструкциях говорящий перестает быть «субъектом мнения». Им становится субъект главной предикации:

(71) Ай кы́шлoшлы loфыр ы́ухынэу.

a-j qə-ŝweʃə ?wɛfə-r ə-wəxə-n-ew.

тот-ERG DIR-думать работа-ABS 3SG.A-заканчивать-POТ-ADV

‘Он думает, что закончит эту работу’.

В данном примере говорящий описывает мнение субъекта главной предикации; при этом сам говорящий может и не разделять данное мнение. При интерпретации таких примеров экспериенцером эмоции или ментального действия становится не говорящий, а субъект главной предикации, т.е. «точка отсчета» перемещается с реального речевого акта на главную предикацию. Такое смещение точки отсчета с реального речевого акта – хорошо известное явление; в частности в работе [Толдова 1999] описано смещение дейктических характеристик в конструкциях чужой речи в языках мира.

4. Заключение

В настоящей работе анализируются глагольные формы адыгейского языка, традиционно рассматриваемые как омонимичные. Это различные формы, образующиеся с помощью показателя -n: второе будущее, масдар, инфинитив, супин. Имея в виду тезис М.А. Кумахова [1989] о диахронической близости перечисленных форм, представляется уместным поставить вопрос об их единой трактовке и на синхронном уровне.

Мы показываем, что трактовка данных форм как омонимичных не является правомерной. «Нефинитные» формы, описанные в разделе 3, обнаруживают те же морфосинтаксические свойства, что и второе будущее, а именно способны присоединять временные и согласовательные показатели. Наоборот, второе будущее демонстрирует ряд нефинитных свойств, т.к. способно оформляться показателем «нефинитного» отрицания, а также не может функционировать в контексте различных косвенных наклонений.

Перечисленные формы обнаруживают схожую семантику, которая может быть охарактеризована следующим образом: ситуация, относящаяся к будущему (либо не локализованная на временной шкале) и принадлежащая ментальному миру говорящего (или субъекта главной предикации). Мы предлагаем обозначать данную форму термином «потенциалис».

Литература

- Бергельсон М.Б.* К проблеме подлежащего в некоторых русских инфинитивных конструкциях // Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 1985.
- Герасимов Д.В., Ландер Ю.А.* Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации/ Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 290–313.
- Гишев Н.Т.* Глагол адыгейского языка. М.: Прометей, 1989.
- Зализняк Анна А.* О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Зекох У. С.* Масдар в адыгейском языке // У.С. Зекох. Очерки по морфологии адыгейского языка. Майкоп: Адыг. НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1991. С.178–187.
- Зекох У.С.* Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002.
- Калинина Е.Ю.* Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Калинина Е.Ю.* Нефинитные формы в функции сказуемого как маркеры модальности // Материалы конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие». СПб: Наука, 2003. С. 66–69.
- Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
- Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
- Ландер Ю. А., Сумбатова Н. Р.* Адыгейские отрицания // Кавказский лингвистический сборник.

Вып. 18. М.: Academia. 2007. С. 77–103.

Меретуков К.Х. Вопросы строения глагола в адыгских языках. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1985.

Никонова А.Ю. Временные формы в адыгейском языке: Отчет по результатам экспедиции 2003 г. Рукопись. М., 2003.

Падучева Е.В. Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004. М.: Наука, 2004. С. 479–486.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд.. М.: УРСС, 2001 (1956).

Розава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.

Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю. Том 2. М.: Наука, 1980.

Татевосов С.Г. Есть – бывает – будет: на пути грамматикализации // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 226–255.

Толдова С.Ю. Особенности местоименной референции при передаче чужой речи (между дискурсом и анафорой) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'1999. М.: Наука, 1999. С. 302–316.

Тхаркахо Ю.А. О грамматических вариантах и их стилистических ресурсах в адыгейском языке // Сборник статей по адыгейскому языку. Майкоп: Адыг. НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1976.

Тхаркахо Ю.А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Abney S. The English Noun Phrase in Its Sentential Aspect. PhD Dissertation. Cambridge (MA), MIT, 1987.

Bhat D.N.S. The Prominence of Tense, Aspect, and Mood. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999.

Bhatt R. Covert Modality in Non-finite Contexts. PhD Dissertation, University of Pennsylvania, 1999.

Bisang W. Categories that make finiteness: discreteness from a functional perspective and some of its repercussions // *I. Nikolaeva (ed.)*, Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 115–137.

Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Dahl Ö. Tense and Aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Givón T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1990.

Haspelmath M. From purposive to infinitive – a universal path of grammaticization // *Folia Linguistica Historica*, 1989, vol. X, 1/2. P. 287–310.

Heine B. Agent-oriented vs. epistemic modality: Some observations on German modals // *Bybee J.*,

- Fleischman S. (eds.)* Modality in Grammar and Discourse // *Typological Studies in Language*, vol. 32. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 17–55.
- Kalinina E., Sumbatova N.* Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // *I. Nikolaeva (ed.)*. P. 183–249.
- Koptjevskaja-Tamm M.* forthcoming. Finiteness to the bitter end: Finite, non-finite, independent and dependent forms across languages. In print.
- Nikolaeva I. (ed.)* Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Nikolaeva I.* Introduction // *I. Nikolaeva (ed.)*, 2007a. P. 1–19.
- Nikolaeva I.* Constructional Economy and nonfinite independent clauses // *I. Nikolaeva (ed.)*, 2007b. P. 138–183.
- Palmer F.R.* Modality and the English Modals. L.; N. Y.: Longman, 1979.
- Paris C., Batouka N.* Dictionnaire abzakh (tscherkesse occidental). Vol. 1: Dictionnaire abzakh-français. Louvain ; Paris ; Dudley: Peeters, 2005.
- van der Auwera J., Plungian V.A.* Modality's semantic map // *Linguistic Typology*, 1998, vol. 2, P. 29–124.